

Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии

© 2012

В. Балакин

Наметилась тенденция беспорядочного употребления термина «интеграция» по отношению к любым формам сближения государств, включая те из них, которые правильнее называть сотрудничеством или даже союзом. В данной статье отмечается, что экономические проекты интеграционного типа реализуются не только на европейском континенте, но и за его пределами, в частности, в Восточной Азии — в формах, весьма отличающихся от модели Старого света, причем постулаты Евросоюза для нее выглядят неприемлемыми.

Ключевые слова: Восточная Азия, региональная интеграция, Евросоюз, европейский опыт, наднациональность.

В современной системе международных отношений последовательно набирают силу объективные процессы геополитического значения, которые в обозримой перспективе будут определять новое мироустройство: глобализация и интеграция. Оба процесса многозначны, многоаспектны, затрагивают все сферы жизни и отношений, включая формирующуюся новую международную экономическую систему. И глобализация, и интеграция совершенно очевидно не просто проявляются в международных экономических отношениях и правовой надстройке над ними, но и оказывают серьезное влияние на образование из разрозненных государств и групп государств единой общественной системы. Исследованием данной проблематики активно занимаются японские эксперты с акцентом на региональную интеграцию, которая принимает, по их мнению, конкретную форму интернационализации хозяйственной жизни, переплетения национальных хозяйств, объединения их в единое экономическое пространство в рамках замкнутой территории, проведения согласованной межгосударственной экономической политики, создания региональных интеграционных объединений, представляющих собой примеры институциональной организации интеграционных процессов¹.

Опираясь, главным образом, на материалы европейских исследователей, формально регистрирующих факты якобы нарастания интеграционных процессов в Евросоюзе, японские специалисты отмечают наличие экономических проектов интеграционного типа за пределами европейского континента, — в частности, в Восточной Азии. Здесь мы имеем дело со сложными проблемами как экономического, так и политического толка, порождающими и даже стимулирующими острые противоречия, но дающие при том адекватные в целом вполне результаты².

С точки зрения японских экспертов, в ходе реализации интеграционных программ в различных регионах мира продолжает накапливаться по-своему уникальный опыт, осмысление которого в сопоставимом ключе позволяет существенно обогатить

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук., ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН. Тел.:(499) 124-08-28.

представление о закономерностях интеграции и возможностях построения логических схем управления интеграционными процессами. Главным для Восточной Азии, по их мнению, — достичь понимания, что при осуществлении интеграции в восточноазиатском регионе вовсе необязательно копировать «европейский» тип как единственно возможный, расценивая остальные версии как «недостойные внимания». В противном случае «давление» европейского опыта в данном вопросе низвело бы все прочие реализуемые интеграционные проекты до уровня некой «самостоятельности» или «кустарщины». Относясь с уважением к европейскому формату интеграции, японские эксперты, тем не менее, увлеченно разрабатывают альтернативную гипотезу, настаивая на отсутствии «нормативной интеграции» как универсального образца для подражания и, предвидя, напротив, возможность множественных вариантов интеграционного взаимодействия.

Каждая региональная версия интеграции должна соответствовать конкретным условиям региона, строго с ними соотносясь, прежде всего, в том, что касается форм интеграционного взаимодействия, его этапности, условий, темпов, конечных целей сближения. По мнению японцев, именно последнее представляет собой ключ к обоснованию логики сопоставлений.

Европейский вариант формально ставит вопрос о создании национального «сверхгосударства», в то время как в рамках еще только формирующегося восточноазиатского варианта речь о надгосударственном объединении никогда не заходила и вряд ли когда-нибудь зайдет. Теоретически анализ вариантов способен повлечь за собой эмпирическую проверку, что очень полезно, поскольку только при сопоставлении интеграционных моделей, а также стратегий их поиска рано или поздно возникает реальная возможность принять научно проработанное решение относительно интеграционных явлений, то есть либо отказаться от экспериментов, либо продолжить линию параллельного движения, одновременно выстраивая систему преференциальных отношений с отдельными близкими по духу государствами³.

Выработка оптимального варианта сотрудничества в восточноазиатском регионе позволит присутствующим здесь странам сделать осознанный выбор на примере того же Евросоюза в отношении того, допускать ли перерастание чисто экономического взаимодействия в нечто большее, а именно, в формирование единого государственного образования с полностью, и главное, формально унифицированными властными институтами.

Сегодня даже беглого взгляда на евроцентричный вариант интеграции достаточно, чтобы обнаружить крайнюю ограниченность и одновременно тяжеловесность системы управления Евросоюзом. По мнению японских экспертов, сегодня практика опережает теорию — чем дальше от Европы, тем выше концентрация местных вариантов интеграции и интеграционных взаимодействий. Уже имеющийся опыт Восточной Азии свидетельствует о наличии обоснованных сомнений в отношении европейских претензий на универсальную эффективность интеграционного формата Евросоюза.

Объективная заслуга европейской модели интеграции состоит в том, что сложившийся опыт позволяет выделить главные типологические черты интеграции как таковой, по которым тот же восточноазиатский вариант окажется способным избежать очевидных ошибок, а главное — нащупать оптимальный логический ряд политических шагов при развитии интеграционных процессов, основанных на безусловных универсальных чертах, но ставящих во главу угла региональные особенности, опора на которые сделает конкретный восточноазиатский интеграционный проект максимально эффективным и «долгоиграющим». Но сегодня лишь европейский вариант интеграции дает реальную возможность назвать так называемые «обязательные признаки» развития любого интеграционного процесса⁴.

Выделение главных типологических черт европейской модели интеграции может эффективно содействовать построению типологических особенностей для восточноазиатского варианта интеграционного процесса. Японские эксперты считают наиболее

важным — найти действительно универсальные черты как европейской, так и восточно-азиатской интеграции, одновременно нащупывая специфику каждой модели с тем, чтобы не повторять уже совершенных ошибок. Анализ трудов европейских специалистов позволяет выделить несколько «обязательных» признаков интеграции, которые признаются таковыми и азиатскими учеными. Подобные признаки должны так или иначе присутствовать в любых интеграционных процессах во всех частях мира. Таковых немного, но они отличаются определенной строгостью. В частности, речь идет о наличии национальных институтов интеграции, которые демонстрируют ее комплексную природу, то есть начавшись с экономики, интеграция должна последовательно переходить на социальную и политическую сферы, чтобы постепенно стимулировать формирование единого демоса с общими социокультурными, нормативными, ценностными и политическими ориентирами.

Главным критерием Евросоюза изначально была провозглашена «наднациональность», ставшая чуть ли не основной характеристикой европейской интеграции⁵. В условиях Восточной Азии подобный подход абсолютно невозможен, поскольку для китайцев, японцев и корейцев конфуцианские и легистские традиции национальной государственности остаются неизменными и ощущаемыми на грани сокровенного бытия. По данному параметру между западноевропейским и восточноазиатским мышлением наличие своего рода «зияющий разрыв». Восточноазиатский механизм принятия ключевых решений работает в режиме исключительного согласования уже одобренных национальными правительствами стратегий развития.

В Восточной Азии, в отличие от Западной Европы в Восточной Азии саммиты глав государств и правительств решают практически все главные вопросы политического и экономического взаимодействия, не допуская какой-либо наднациональной компетенции. Наднациональные институты в Евросоюзе охватывают сферой своей деятельности практически все «технократические» проблемы, хотя и здесь делегирование реального суверенитета по-прежнему решается путем межправительственных согласований. Что касается восточноазиатских государств, то они вообще неохотно следуют наднациональной процедуре принятия решений. Основной метод принятия решений — это 100%-й консенсус, не признающий ни простого, ни квалифицированного большинства. Можно констатировать, что в Восточной Азии господствует институциональная структура элитной политики, не допускающая непредсказуемого развития⁶.

Восточноазиатские страны весьма осторожно интегрируют и в социальной сфере. Для них, сделанная Западной Европой несколько десятилетий назад заявка на социальную интеграцию выглядит сегодня весьма настораживающей. Европейское стремление сформировать «единый этнос», увенчавшееся бурным ростом межэтнических трений в последние годы, сегодня уже не представляется обязательным, базовым параметром в понимании руководства восточноазиатских государств. В лучшем случае, это трактуется как «забегание вперед», реально же расценивается как неприемлемый, негативный опыт, чреват утратой качества экономического развития. Усиление бесконтрольных миграционных тенденций без тщательного учета этнодемографического состава населения восточноазиатских стран способно в короткие сроки подорвать относительную устойчивость и сложившийся баланс сил на азиатском континенте.

Нежелание стран Восточной Азии форсировать интеграцию в социальной сфере выглядит явным антиподом европейского подхода. Восточноазиатские государства прежде всего исходят не из фундаментальной теории, а из повседневной практики. Совершенно очевидно, что ни в ближайшем, ни в самом отдаленном будущем не удастся создать «интегрированного азиата», как до сих пор не удалось сформировать такого же «интегрированного европейца». Отсюда, модель интеграции, развивающаяся в Евросоюзе, не кажется достойной подражания в Восточной Азии, не говоря уже о возможности ее воспроизведения в полном виде. Об этом свидетельствует принципиальное отсутствие

ориентации на «наднациональность» в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), что среди экспертов воспринимается как серьезный аргумент против какой-либо адаптации европейского опыта интеграции⁷.

Восточноазиатские интеграционные процессы, как считают некоторые специалисты, вызревают уже достаточно долго — автономно от аналогичных процессов в других частях света. В Восточной Азии совсем иной интеграционный потенциал, который мало соответствует европейскому, представляя собой свой собственный прототип интеграции, специфическая черта которого — не воплощение элементов наднациональности в будущем, а позитивистская концепция «вбирания в себя» полезных черт становления каждого из восточноазиатских государств в XXI веке. Иными словами, специфика развития каждой страны привносит в общий процесс интеграции собственный алгоритм. Именно это делает восточноазиатскую интеграцию, по сути, самодостаточной и не нуждающейся в чуждых процедурных решениях, заимствованных на Западе⁸.

Типологические различия между интеграционными процессами в Западной Европе и Восточной Азии предопределяют особенности процедуры принятия в каждом из регионов стратегических интеграционных решений. В обоих случаях налицо стремление стран-участниц к формированию институциональной основы интеграции. И там, и там налицо систематическая направленность действий государств, ориентированных на нахождение эффективных механизмов управления хозяйственной жизнью региона. Вряд ли такие действия заслужат высокую оценку, если не будут активно способствовать преодолению экономических барьеров в конкретных региональных условиях. Следовательно, для получения аутентичных результатов при сравнении западноевропейской и восточноазиатской моделей региональной интеграции необходимо сопоставлять не только и не столько формы воплощения интеграционных устремлений, сколько конкретное содержание этих устремлений, меру их устойчивости во времени и пространстве, а главное — результативность.

Что касается результативности, то она внутри всех известных вариантов интеграционных сближений абсолютно неодинакова, ибо строго коррелируется с местными условиями. Это важнейшая типологическая общая черта любых интеграционных вариантов. В Восточной Азии названный алгоритм имеет безусловный характер, поскольку ярко выраженная уникальность региональной специфики не покрывается, как в Западной Европе, избыточно универсальными нормами, процедурами и правовыми институтами, дающими европейской версии интеграции изначально строго заданные исторические рамки. Именно уникальность ярко выраженной конкретики условий, не воплощенной в строгих нормах, процедурах и институтах, дает прекрасную перспективу для интеграции в Восточной Азии. Показательно, что активно предпринимавшиеся примерно с 1998 г. попытки найти некую формулу восточноазиатской интеграционной конкретики не просто оживили общую ситуацию, но и стимулировали консолидацию всех региональных сил, выступающих за формирование надгосударственных интеграционных структур в регионе⁹.

В межкризисный период 1998–2008 гг. эта консолидация несколько замедлилась, она перестала быть специфически восточноазиатской, перейдя к развитию в сторону большей «классичности» (имея ввиду ее содержательную часть). Кроме того, стал изучаться слой аналитики, относившийся к другим неевропейским вариантам интеграции, что, кстати, побудило восточноазиатских исследователей дополнить список классических признаков интеграции рассуждениями о некой «объективной воле» к многостороннему сотрудничеству, нацеленному на решение общих проблем формирования надгосударственных структур¹⁰.

Пример формирования интеграционной матрицы в странах Юго-Восточной Азии, как представляется, не только не уступал в межкризисный период 1998–2008 гг. европейскому варианту, но и в чем-то его превосходил. Так, после Второй мировой вой-

ны странам Западной Европы потребовалось около шести лет, чтобы сделать первый крупный шаг к экономической интеграции региона, а именно: создать Европейское объединение угля и стали. Отдельные малые и средние страны Восточной Азии потратили на подготовку условий для конкретных интеграционных шагов (в частности, чтобы подписать соответствующие соглашения в рамках АСЕАН) почти тридцать лет — с начала 1960-х и до середины 1990-х гг. Казалось бы, указанный срок представляется более, чем достаточным для полного разочарования в самой идее интеграции. На деле же, идея АСЕАН продолжает и сегодня медленно претворяться в жизнь, демонстрируя значительно большую устойчивость по сравнению с ее европейским аналогом.

Интеграционный «очаг» в Западной Европе весьма компактен и в целом однороден с точки зрения культурологической компоненты¹¹. Западная ветвь христианства сгладила практически все принципиальные этнические различия на европейском континенте. В отличие от Западной Европы Восточная Азия лишена европейской компактности и крайне разнородна в культурном отношении — даже вопреки широко доминирующим конфуцианским устоям государственности в регионе. Особый диссонанс вносит фактор политической разобщенности восточноазиатских государств. И тем не менее, сразу после окончания войны во Вьетнаме (1973 г.) Восточная Азия на практике доказала свою приверженность идее выведения регионального сотрудничества далеко за рамки традиционного межгосударственного взаимодействия.

Исходя из этого, вполне уместно уточнить концептуальные понятия восточно-азиатской интеграции. Прежде всего, стоит назвать признаки регионального интеграционного процесса, главным из которых можно счесть не меру реализованности некоего наднационального формата, а устойчивую ориентацию участников интеграции на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии. Именно такое понимание интеграции постепенно начинает складываться в Восточной Азии, оно не всегда соответствует классическим воззрениям, но накопленный европейский опыт, в том числе негативный, свидетельствует, что интеграционные процессы по иному развиваться и не могут.

Формирующуюся региональную интеграцию в Восточной Азии стоит рассмотреть с точки зрения реальных экономических и политических процессов проходящих в Азии. Профессор Токийского государственного университета Дзюнити Гото в одной из своих работ о восточноазиатском регионализме дал довольно подробный перечень «достаточных признаков» интеграции, причислив к таковым:

- высокий уровень сотрудничества в культурной, политической, экономической и, в меньшей степени, правовой областях;
- наличие эффективных институтов принятия решений;
- наличие институтов, занимающихся обеспечением региональной безопасности и обязательно связанных с институтами экономического профиля;
- частичное и выборочное применение наднациональных методов принятия решений, особенно во внешнеторговой сфере;
- способность региональной структуры выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего легитимностью в глазах других участников мировой политики.

Японский исследователь отмечает: судя по упоминанию в политических документах, относящихся к развитию профессиональных групповых отношений в Восточной Азии, многие местные политические деятели пока что предпочитают избегать употребления термина «интеграция» (по крайней мере в официальном дискурсе)¹².

Руководству восточноазиатских государств термин «интеграция» представляется слишком европейским, дезориентирующим, пугающим неприятными ассоциациями с «надгосударственностью», которая имела в XX в. весьма негативный контекст с истори-

ческой и политико-психологической точек зрения. Две мировые войны двадцатого столетия столь сильно повлияли на восточноазиатские государства, что сегодня там не просто не могут построить наднациональную федерацию, но и решительно ее не хотят. Вековые борения за национальный суверенитет, сама идея независимости глубоко укоренена в странах Восточной Азии, а идея какого-либо ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень всегда ассоциируется у общественности восточноазиатских государств с реанимацией колониализма. Идеалом для Восточной Азии является не обязательная, а избирательная, скорее даже дозированная интеграция: прежде всего, в экономике и под жестким контролем суверенных национальных правительств. Они способны понемногу делегировать наднациональным международным органам отдельные свои экономические полномочия, но никогда не проявят готовности поступиться политической властью¹³.

В мышлении восточноазиатских сообществ идея тесного регионального сотрудничества вполне совмещается с концепцией сильного централизованного государства. Следует констатировать, что названный подход явно контрастирует с логикой постепенного распространения интеграции из экономики в социальную сферу и уже совсем не распространяется на политику. В связи с этим, можно зафиксировать отчетливое несоответствие восточноазиатской логики «воинствующего суверенитета» западноевропейской логике «сплошной», «тоталитарной» интеграции на наднациональном уровне. Однако, в теоретическом плане важно не это, а упорное стремление восточноазиатских государств к взаимному экономическому сближению на региональном уровне. Не употребляя термина «интеграция», руководство стран Восточной Азии формулирует экономический интеграционный тренд как преференциальное сближение для достижения общих целей.

В то же время, нельзя не заметить, как разнятся потолок или вектор целей развития. Это объясняется различиями политико-институционального опыта. В Западной Европе национальная консолидация завершилась в середине XX в., а в Восточной Азии названный процесс только-только стал просматриваться после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Можно отметить, что после двух мировых войн западноевропейцы «пресытились» суверенитетом, почувствовав его политическую ограниченность и экономическую ущербность. Что касается Восточной Азии, то она до сих пор возводит суверенитет в ранг высочайшей ценности, — тем более, что приоритет государственной независимости полностью совпадает с социально-культурными традициями восточноазиатского региона¹⁴.

В Западной Европе всегда имели место относительная зрелость сложившейся политической культуры, тесное сотрудничество разных социальных групп, формализованные механизмы улавливания и формулирования национальных интересов. В Восточной Азии до настоящего времени преобладают вертикальные связи, отсутствует ясная дифференциация интересов. На этом фоне весьма заметна приверженность восточноазиатских государств идее экономического сближения, что никогда не обозначается термином «интеграция», поскольку в контексте отсутствует наднациональный фактор. Экономическое сближение выступает ни больше, ни меньше как стимул для укрепления политической независимости, ускорения хозяйственного и культурного развития, элементарного выживания в условиях глобальной конкуренции через построение групповых защитных механизмов, в том числе коллективного протекционизма.

Ряд японских ученых считает, что в качестве основного направления европейской интеграции сформировался постепенный переход от так называемой секторальной интеграции к комплексной, от «негативной» к «позитивной», от поверхностной к углубленной. Европейская интеграция, таким образом, эволюционирует в рамках модернистской компоненты, когда варианты построения единого сообщества представляют собой стремящиеся к достижению синергетической гармонии системы, представляющие в идеале централизованные матрицы. Пожалуй, если проанализировать историю станов-

ления Европейского сообщества в 1970-е гг., можно согласиться с японскими учеными, давшими данному периоду достаточно убийственную характеристику под названием «евросклероз». Также можно предположить, что в 2000-е гг. скорее всего наступил период «конституционного кризиса», рассмотрение которого позволяет сделать некоторые выводы, существенные для типологизации и непосредственного сопоставления интеграционных тенденций не только в Западной Европе, но и в Восточной Азии. Вместе с тем, системные кризисы на отдельных отрезках эволюции становления Евросоюза скорее всего сформировались в умах сторонних наблюдателей и были порождены обострениями синдрома завышенных ожиданий, а не объективной реальностью¹⁵.

Европейские интеграционные процессы, как представляется, основаны прежде всего на объективных механизмах саморегулирования, что свойственно принципиально открытым системам. Данный алгоритм развития сложных социальных явлений предполагает высокий уровень самоорганизации и возможное функционирование в рамках постоянно нарастающей синергии. Применительно к Восточной Азии динамика экономического сближения, скорость и интервалы перехода к новым ступеням взаимодействия практически всегда определяются политическим руководством государств данного региона. Отчасти политические решения по интеграционным вопросам представляют собой самостоятельные факторы действия, причем их своевременный ввод в процесс неизменно позволял избегать форсирования интеграционной деятельности на просторах Восточной Азии. Диктат политической конъюнктуры никогда не был стимулом для восточноазиатских руководителей, хотя объективное совпадение экономических интересов часто побуждал их рассматривать некие варианты создания наднациональных органов и неформальных структур.

Противовесом данному тренду и одновременно объективным инструментом реализации сложного механизма саморегулирования всегда выступала система ограничителей в лице отдельных государств, население которых в определенный момент оказывалось не готовым взять очередной интеграционный рубеж. Некоторые международные эксперты считают, что экономические кризисы предстают не как признаки слабости той же евроинтеграции, а как средство обеспечения более медленного, но зато и более плавного поступательного развития¹⁶. Такое прочтение европейского интеграционного опыта дает возможность по-другому взглянуть на интеграционные процессы, происходящие в ЕС. В Восточной Азии полагают невозможным слепо копировать европейский интеграционный опыт ЕС представлял собой активное забегание вперед, когда напор интеграционной волны нередко наталкивался на жесткое сопротивление либо национальных правительств, либо местного электората.

Восточноазиатские государства предпочитали наблюдать со стороны за срабатывавшими в Европе компенсационными механизмами экстренного торможения интеграционных процессов, когда в сложный межкризисный период 1998–2008 гг. происходили своеобразные откаты, как признаки естественной адаптации старого содержания к новым интеграционным формам. Первый урок торможения преподала Франция, «утопив» на референдуме принятие общеевропейской конституции, разработанной бывшим президентом этой страны Валери Жискар д'Эстеном. Французы отказали в легитимности торопливому формированию наднациональных органов общеевропейской власти. Руководство восточноазиатских государств резонно посчитало, что «злоупотребление наднациональностью» способно подорвать сферы компетенции правительств национального уровня и, как следствие, резко ограничить их возможности по усовершенствованию традиционных обществ применительно к современным условиям. Принцип самолегитимизации в послевоенный период абсолютно не способствовал принятию странами Восточной Азии европейских интеграционных концепций, поскольку восточноазиатской государственности была всегда чужда идея наднациональной конституции.

Интеграционный процесс в восточноазиатском варианте представляет собой полный контраст с западноевропейским аналогом. Ему присущи медлительность, выжидательность и осмотрительность. В Восточной Азии случались отступления от интеграционного динамизма, однако в низкой скорости интеграционного движения скрывались некие гарантии от кризисных явлений. Тем не менее, эти гарантии не всегда срабатывали, что показали, например, продолжительные кризисные события сразу после создания АСЕАН. Тот кризис длился с 1967 по 1976 год.

Асеановский кризис был продиктован некими страхами и какой-то непоколебимой уверенностью, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы обязательно попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, поставив их под свой жесткий контроль. В АСЕАН не любили коммунизм, но еще больше там не любили любое политическое противостояние и принуждение. С позиций сегодняшнего дня такой подход выглядит весьма разумным. Сравнение западноевропейского и восточноазиатского интеграционных вариантов позволяет сделать интересное обобщение, суть которого состоит в следующем: это не в Восточной Азии интеграция затягивается, а в Евросоюзе интеграционные процессы серьезно страдают от излишнего «забегания вперед»¹⁷. Реальный опыт АСЕАН показал, что, когда интеграция протекает спокойно, опираясь на объективную местную специфику, субъективно корректируемую благодаря готовности государств сближаться друг с другом, не ссорясь и не конфликтуя, можно вполне рассчитывать на некий изначальный успех, позволяющий далее строить конкретные планы более долгосрочного развития.

Вместе с тем, в восточноазиатской интеграции присутствует один элемент, который существенно отличает ее от интеграции западноевропейской. Последняя, в своей основе, представляет собой осмысленное сближение стран-лидеров, самых мощных государств Европы, которые всегда «тащили» и до сих пор «тащат» за собой всех остальных. Конечно, слабым даются «поблажки», но сильные неизменно, в конце концов понуждают слабых следовать своей воле. В Восточной же Азии дело обстоит прямо противоположным образом. Здесь экономическое сотрудничество вызревало и двигалось группой средних и даже малых стран и что показательно, за последние сорок с лишним лет ни одна попытка «развалить» АСЕАН, нарушить его единство не оказалась успешной.

Ситуация складывается весьма парадоксально: такие региональные лидеры как Китай и Япония вынуждены не просто прислушиваться к мнению АСЕАН, но и принимать его как некую достаточно приемлемую основу для практических дискуссий с целью выработки действенных решений по вопросам региональной интеграции. Более того, по мнению некоторых международных экспертов, сегодня по инициативам АСЕАН, а иногда и под его непосредственной эгидой, ведется интеграционное строительство в восточноазиатском регионе. И хотя считается, что понятие интеграции так или иначе связано с общим представлением о гомогенности (*однородности по своему составу и происхождению*), однако для Восточной Азии подобный интеграционный характер пока не проявлен. Отдельные эксперты предполагают наличие и принципиальную важность политической однородности для успешной интеграции, но существующая восточноазиатская практика однозначно не подтверждает названный фактор. Конечно, вряд ли можно сомневаться в том, что интеграция политических схожих стран скорее всего будет развиваться быстрее и носить более устойчивый характер, однако вполне допустима и иная трактовка, а именно: формирование политической однородности представляет собой не столько начальную стадию интеграции, сколько один из возможных ее результатов¹⁸.

При взгляде на Восточной Азии становится очевидно, что политические системы пытающихся интегрироваться здесь государств заметно менее однородны, чем в странах ЕС. Т.е., восточноазиатская реальность не дает возможности абсолютизировать преобладание принципа гомогенности в данном регионе, поскольку присутствуют ярко

выраженные отклонения от усредненной модели. Это прежде всего проявляется в ограниченности политического представительства и полном отсутствии концепции социального государства в европейском его понимании. В Восточной Азии заметна неравномерность соотношения политического устройства таких государств как Китай и Вьетнам, с одной стороны, с политическим устройством таких государств как Индонезия и Малайзия, с другой. И тем не менее, фактом остается то, что те и другие проявляют большую настойчивость следовать интеграционным курсом, невзирая на политические различия.

В Восточной Азии, как и в Западной Европе, экономическая политика стран «интеграционного ядра» не одинакова, но однородна. Названная политика характеризуется рыночным регулированием и иногда более или менее заметной степенью государственного контроля. Многие эксперты полагают, что отправной точкой восточноазиатской версии интеграции является не политическое сходство, а однотипность экономических политик¹⁹. В Западной Европе на сближение работает демократическая идея, а в Восточной Азии — экономический прагматизм. Философия подобного прагматизма вполне может быть основой интеграционной политики, и хотя ее иногда бывает недостаточно, в восточноазиатском варианте она зачастую уверенно подкрепляется поддержкой мощных тысячелетних факторов специфической социокультурной идентичности.

Итак, в Восточной Азии сегодня уже можно говорить о своеобразной региональной интеграционной идентичности, в которой вполне различима устоявшаяся макросоставляющая — именно она остается для всех государств региона главной. В ней заложены идеи, имеющие для местных народов мощнейший заряд эмоциональной привлекательности, а именно: идеи униженности, «обманутости» и даже необходимости взять исторический реванш. Они выглядят внешне достаточными, чтобы стать неким реальным стимулом для региональной интеграции, последовательно повышая темпы ее развития. Интеграция в Восточной Азии превращается в инструмент самовозвышения через реализацию идеи экономического взаимодействия, возвеличивания азиатского сакрального духа, поруганного в прошлые века Западом²⁰.

Резюмируя, можно сказать, что западноевропейская интеграционная модель в известном смысле всегда рассматривалась в качестве средства преодоления национализма. Восточноазиатский вариант интеграции, напротив, не избежал определенных издержек агрессивности, как в культурной, так и в экономической форме. Однако, вопрос не в том, какой из вариантов интеграции сегодня более эффективен, главное в том, что объединяющаяся Восточная Азия по своей политико-психологической мощи уже вполне сопоставима с объединенной Западной Европой.

1. Ёкота, Масахиса. EU то «Хигаси Адзия Кёдотай» (*Евросоюз и «Восточноазиатское сообщество»*) // Кёто дайгаку кэнкюсэнта. 2011. С. 25.
2. Winer, Antje; Diez, Thomas. The European Integration Theory // Oxford University Press. 2005. P. 54–61.
3. Hettne, Bjorn. Globalism and the New Regionalism // Macmillan Press. London, 1999. P. 3–24.
4. Jones, David. Toward Illiberal Democracy in Pacific Region // Tokyo State University Press, 2003. P. 19.
5. McCormic, John. The European Union: Politics and Policies // Colorado: USA, Westview, 2009. P. 45.
6. Tran Van Hoa. Regional Trade Agreements in Asia // Asian Centre for Peace and Development Studies. Ryukoku University. Japan. 2010. P. 84.
7. Poole, Avery D.H. The Evolution of ASEAN Norms // University of British Columbia YCISS Working Paper No. 44. January 2007. P. 5.
8. Каваи, Масахиро. Хигаси Адзия ни окэру тики кэйдзай кёрёку (*Региональное экономическое сотрудничество в Восточной Азии*) // Сякайгаку кэнкюсё. Токио дайгаку. 2004. С. 31.
9. Baldwin, Richard E. The Causes of Regionalism // World Economy. November 2007. P. 865–888.

10. *Benson, Mark*. Regionalism and Globalisation // New York Cambridge Press, 2011. P. 217.
11. *Такаги, Синдзи*. Хигаси Адзиа но канона тики сэнряку (*Возможная региональная стратегия в Восточной Азии*) // Сэкай гинко но кэнкю сирё № 2502. Токио. 2011. С. 26.
12. *Goto, Junichi*. Macroeconomic Interdependence in East Asia // International conference of IMF & WB. Tokyo, 2011. P. 22–23.
13. *Фукусима, А.* Хигаси адзиа тиикисюги: Нихон дзэнтэй (*Восточноазиатский регионализм: путь Японии*) // CSIS WP. 2006. С.22.
14. *Zhang Xiaoming*. Zhongguo de gaozhang (*Подъем Китая*) // Yazhou de Qiantu. Vol. 30, No. 3.2006. P. 132.
15. *Christopher M. Dent & David W.F. Huang*. Northaest Asian Regionalism: Learning from the European Experience // London: Routledge-Curzon, 2002. P. 7.
16. *Kawai, M; Wignaraya, G*. Asian FTA's: Trends and Challenges // ADBI Working Paper Series No. 144. August 2009. P. 4.
17. *Li Wen*. Dongya hezuo de wenhua chengyin (*Культурный фактор в восточноазатском сотрудничестве*) // Beijing: World Affairs Press, 2005. P. 10–11.
18. *Chai Siow Yue*. Тоа тиикисюги но хассэй (*Возникновение восточноазиатского регионализма*) // Нихон кокусай кёрёку сэнта. Токио, 2004. С. 52.
19. *Morton Abramowitz & Stephen Bosworth*. Chasing the Sun: Rethinking East Asian Policy // The Century Foundation Press. New York, 2006. P. 13–14.
20. *Танака, Акаси*. Тоа но митоси (*Перспективы Восточной Азии*) // The Trilateral Commission. Tokyo Miting. April 2006. С.26.